

СТАТЬИ

ПОЛИТИКА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» США ПРОТИВ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (1945—1960 гг.)

■

Ю. П. Давыдов

После второй мировой войны «холодная война» началась с попыток американского империализма повернуть вспять колесо истории прежде всего в Восточной Европе. Рейган, рассматривающий существование реального социализма как «зигзаг истории», хотел использовать события в Польше, чтобы попытаться сделать то же самое. И хотя международная ситуация 80-х годов в корне отлична от ситуации 40—50-х, анализ все более уходящего от нас прошлого помогает глубже понимать настоящее. Многое, о чем тогда только можно было догадываться, стало явным на протяжении минувших десятилетий.

Трудно установить точную дату начала «холодной войны» американского империализма против народов Восточной Европы. Но совершенно очевидно, что на исходе второй мировой войны ситуация в этом регионе начала развиваться не так, как этого хотелось бы в то время многим политическим стратегам в Вашингтоне. А именно: освободительная антифашистская борьба народов восточно-европейских стран, развернувшаяся под влиянием побед Советской Армии, на заключительном этапе войны начала перерастать в борьбу социальную, в борьбу против правобуржуазных партий, отдавших свои народы в руки диктаторских, фашистских или профашистских режимов, ввергших свои страны в неслыханную катастрофу.

Обеспокоенный Вашингтон считал необходимым в этих условиях продемонстрировать народам Восточной Европы свою мощь, дать им понять, кто может определять характер развития послевоенного мира. Проводя акцию устрашения, американско-английская авиация 25 февраля 1945 г. совершила варварский, бессмысленный с военной точки зрения налет на Дрезден, превративший город в груды развалин.

Как только военное командование США убедилось, что советские, а не американские войска вступят в Венгрию, на ее заводы, фабрики, нефтепромыслы обрушились удары стратегической авиации США. То же самое произошло с румынскими нефтепромыслами в Плоешти: 4 апреля 1944 г. на них обрушились тысячи американ-

ских и английских бомб. Американцы подвергли бомбардировке заводы «ЧКД» в Праге. 25 апреля 1945 г. 500 американских бомбардировщиков разрушили на 70% заводы «Шкода» в Пльзене, буквально за несколько дней до их освобождения. Разрушительному налету авиации США и Англии подверглась незадолго до вступления в нее советских войск столица Болгарии — София, где вообще не было никаких военных объектов¹.

Эти налеты преследовали две цели. Во-первых, демонстрацией силы запугать народы восточноевропейских стран, все более симпатизировавшие Советскому Союзу, социализму. Во-вторых, нанести ощутимый урон их экономике, создать дополнительные трудности будущим правительствам, которые, предполагалось, в этом случае неизбежно обратятся за помощью к Америке.

Еще во время войны правящие круги США неоднократно рассматривали вопрос о послевоенном устройстве Восточной Европы. В ходе этих дискуссий высказывались различные точки зрения по поводу будущего стран этого региона. Основные расчеты исходили из предпосылки, что их социальная основа останется прежней, но стабильность ее следовало бы укрепить за счет той или иной формы интеграции.

Наиболее здравомыслящие деятели США, составлявшие непосредственное окружение президента Ф. Д. Рузвельта, исходили из того, что послевоенная структура международных отношений должна базироваться на сохранении основных элементов советско-американского сотрудничества в годы войны. Эта линия нашла отражение в позиции США по основным вопросам на Ялтинской конференции (февраль 1945 г.). При рассмотрении послевоенного устройства Восточной Европы она во многом исходила из того, что оно должно было учитывать интересы безопасности Советского Союза.

Однако перегруппировка сил, происходившая в правящих кругах США по мере приближения окончания войны, особенно после смерти президента Рузвельта, привела к тому, что идея равноправного советско-американского сотрудничества в послевоенный период была отброшена. В результате США стали рассматривать проблемы Восточной Европы, ориентируясь на старую концепцию образования по периметру советских границ все того же «санитарного кордона». Его создание могло быть гарантировано, полагали в Вашингтоне, только в том случае, если бы у кормила власти находились правобуржуазные, еще лучше антисоветски настроенные деятели. Американский историк Г. Алпровиц писал, что «главная задача США заключалась в том, чтобы добиться создания ориентирующихся на Запад правительств»² в регионе.

Между тем ситуация в Восточной Европе оказалась более сложной. Правые буржуазные лидеры, входившие в состав большинства

¹ Орлик И. И. Империалистические державы и Восточная Европа. М., 1968, с. 10—13.

² Alperovitz G. Atomic Diplomacy. N. Y., 1965, p. 125.

временных коалиционных правительств в странах этого региона, не в состоянии были контролировать и направлять ход событий. Присутствие советских войск затрудняло контрреволюционный переворот или прямую помощь западных держав. Восточноевропейские страны неуклонно поворачивали в сторону социалистической ориентации внутренней и внешней политики.

Социальная трактовка начавшихся глубоких демократических преобразований в странах Восточной Европы была отвергнута американским буржуазным сознанием, ибо она не укладывалась в рамки внешнеполитической практики самого американского империализма. Отсюда на свет появился тезис, утверждавший, что социализм в эти страны привнесен якобы на штыках Советской Армии. Много стали писать и говорить об экспорте революции. Немало было опубликовано книг и статей об ошибках президента Рузвельта, «отдавшего» будто бы Восточную Европу коммунистам, и т. д. Чтобы исправить подобный «зигзаг истории», вернуть восточноевропейские страны в лоно капитализма, по мнению Вашингтона, надо было оказать помощь и поддержку антисоциалистическим силам в этих государствах, осуществить «реставрацию» старого, довоенного режима и социального строя. Реакционно настроенная верхушка США настойчиво требовала вернуть Восточную Европу в лоно Запада. «Уничтожение возглавляемой Советским Союзом мировой коммунистической системы жизненно важно с точки зрения безопасности Соединенных Штатов»³, — подчеркивалось в директиве № 7 Совета национальной безопасности от 30 марта 1948 г. Исследователь «холодной войны» профессор Д. Флеминг указывал, что «в этот период американские руководители начинают придерживаться мнения, что все страны должны либо присоединиться к нашей системе, либо рассматриваться как коммунистические сателлиты»⁴, опасаясь, что «инфекция социализма» перекинется на другие страны Западной Европы. В результате борьба с социалистическими странами приобретала для США характер месспанского «крестового похода»⁵.

Это сражение Вашингтон рассчитывал выиграть прежде всего в Восточной Европе. По мнению американских стратегов, данный регион считался наиболее уязвимым местом рождающейся мировой социалистической системы.

Подход Вашингтона к рождающейся мировой социалистической системе в значительной степени определялся позицией монополи-

³ Containment. Documents on American Policy and Strategy, 1945—1950 / Ed. by H. Etzold, L. Gaddis. N. Y., 1978, p. 168.

⁴ Fleming D. The Cold War and its Origin, 1917—1960. London; Allen; Unwin, 1961, vol. 2, p. 764.

⁵ К «крестовому походу» против мира социализма призывал и Р. Рейган в речи в Лондоне 8 июня 1982 г. Администрация Р. Рейгана, рассматривающая нынешние международные отношения прежде всего в плане жесткой силовой конфронтации с СССР, также оказалась одержимой идеей «крестового похода» против мира социализма. См.: The Department of State Bulletin, 1982, July, p. 26—28.

стических кругов США. «Ни американскую политику, ни холодную войну, ни роль США в ней нельзя оценить без правильного понимания классового характера американского общества и сути корпоративной системы, предопределяющей его основу и структуру», — подчеркивал Д. Горовиц в коллективной монографии «Корпорации и холодная война»⁶.

В октябре 1945 г. в небольшом американском городке Абсеконе встретились 66 представителей крупнейших американских монополий. Основная проблема, обсуждавшаяся ими, касалась практических методов «воздействия США на экономическую и политическую эволюцию мира». В декабре 1946 г. на ежегодном съезде Национальной ассоциации промышленников его участники требовали от администрации проведения твердой внешней политики в отношении Советского Союза и восточноевропейских стран. Монополисты, нажившиеся на минувшей войне, хотели также новых рынков сбыта товаров, источников сырья, расширения сфер приложения капитала, добивались доминирующей позиции в мире.

В условиях ломки структуры международных отношений, происходившей в первые послевоенные годы, американская правящая элита активно выступила против позитивных идей сосуществования социалистических и капиталистических государств. Поскольку ее устремления на международной арене сводились прежде всего к сдерживанию процесса социального обновления мира, идейной основой внешней политики США в послевоенный период становится антикоммунизм. Известный американский теолог и теоретик международных отношений Р. Нибур еще во время войны, анализируя американские цели в Европе, писал, что они сводятся к тому, чтобы «не дать континенту повернуться к большевизму»⁷. Анализируя этот период отношений Восток—Запад, профессор Висконсинского университета М. Петрович приходит к выводу, что «за любой американской политикой в Восточной Европе стояло ярко выраженное неприятие коммунизма»⁸. Впрочем, этого не скрывали и те, кто стоял у руля международного курса страны, в частности государственный секретарь Дж. Ф. Даллес⁹.

Антикоммунизм порождал узость американского официального видения мира, упрощенную идеологизацию подхода к международным отношениям вообще, к отношениям с социалистическими странами особенно.

На формирование подхода Вашингтона к миру социализма, к странам Восточной Европы значительное влияние оказывала атомная дипломатия — уверенность значительной части американского правящего класса в том, что монопольное обладание ядерным оружием, экономическая и научно-техническая мощь США дадут им

⁶ Corporation and the Cold War / Ed. by D. Horowitz. N. Y.; L., 1969, p. 22.

⁷ Christianity and Society, 1943, N 2, p. 20.

⁸ Petrovich M. United States Policy in Eastern Europe. — Current History, 1967, Apr., p. 193.

⁹ Dulles J. F. War or Peace. N. Y., 1957, p. 133.

возможность в решающей мере влиять на развитие мира. «Пакс Американа» — мир, устроенный по американскому образцу, — казался вполне реальным замыслом. Военный министр Дж. Форрестол записывает в 1947 г. в дневнике: «Эти годы, до того как какая-либо другая держава приобретает способность поразить нас оружием массового уничтожения, — это годы наших возможностей»¹⁰.

Ряд американских исследователей убедительно доказывают, что монополия на ядерное оружие решающим образом воздействовала на характер политики Вашингтона в отношении рождающихся народных демократий. Г. Алпровиц, анализируя истоки возникновения «атомной дипломатии» США, указывает, что «с начала лета (1945 г. — Ю. Д.) американские руководители были убеждены, что стоит им только произвести демонстрацию атомной бомбы, как они получают возможность требовать серьезных изменений в районах, граничащих с Советским Союзом»¹¹. В ожидании этой «возможности» дважды по инициативе правительства США откладывалась конференция в Потсдаме. Известный американский физик Л. Сцилард утверждал, что еще в мае 1945 г. государственный секретарь Дж. Бирнс говорил ему, что «американская бомба сделает Россию более уступчивой в Европе»¹², при этом он особенно выделял проблемы Польши, Румынии и Венгрии. На следующий день после варварской бомбардировки Нагасаки Г. Трумэн выступил с заявлением по балканскому вопросу. Он призывал восточноевропейскую реакцию перейти в контрнаступление, намекая, что она может рассчитывать на моральную и материальную поддержку Соединенных Штатов. Вслед за этим обращением государственный секретарь Дж. Бирнс начал кампанию за прямое вмешательство во внутренние дела Венгрии, Болгарии и Румынии.

На формирование политики американского руководства в этом регионе оказывало значительное влияние так называемое восточноевропейское лобби. Многие из этих лоббистов привлекались государственным департаментом, конгрессом в качестве консультантов, они заполняли исследовательские центры США.

Вместе с тем в своих действиях в отношении Советского Союза, восточноевропейских стран американские правящие круги вынуждены были учитывать настроения широкой общественности, которая тогда находилась под сильным впечатлением побед советского оружия во второй мировой войне, плодотворного сотрудничества СССР и США в эти тяжелые годы. В подобных условиях без предварительной подготовки общественного мнения Вашингтону трудно было совершить резкий поворот от военного союза к силовой конфронтации. Как показали опросы общественного мнения, проведенные лабораторией социальных исследований Гарвардского университета в мае 1947 г., 74% опрошенных американцев сохранили дружественные отношения к первой в мире стране социализма.

¹⁰ *Millis W. The Forrestal Diaries. N. Y., 1951, p. 350—351.*

¹¹ *Alperovitz G. Op. cit., p. 224.*

¹² *Ibid., p. 203.*

Эти настроения в известной мере сказывались на позиции отдельных трезвомыслящих американских политиков. Так, военный министр Г. Стимсон предупреждал правящую верхушку США, что сохранение американской монополии на ядерное оружие, будучи временным, может значительно ухудшить отношения с СССР. Ради создания атмосферы доверия он предлагал поделиться секретом производства ядерного оружия с Советским Союзом. «Отношения могут непоправимо ухудшиться из-за нашего способа решения проблемы бомбы в связи с Россией, — писал он в меморандуме президенту 11 сентября 1945 г. — Если мы не договоримся с ней сейчас, а просто будем вести переговоры, довольно недвусмысленно держа у бедра бомбу, подозрения русских и их недоверие к нашим целям и мотивам будут расти»¹³. Однако у Г. Трумэна и его ближайшего окружения были иные расчеты, связанные с ядерным оружием. По их мнению, оно должно было стать основным инструментом давления на Советский Союз. В марте 1946 г. Г. Уоллес, бывший вице-президент у Ф. Рузвельта, а в администрации Г. Трумэна — министр торговли, направил президенту меморандум, в котором излагал свое понимание роли США в послевоенном мире. Он указывал, что американские «шансы улучшить отношения с Советским Союзом были бы более высокими, если бы в дополнение к нашим дипломатическим усилиям мы определили какой-то новый подход по линии экономики и торговли»¹⁴, с тем чтобы помочь Советскому Союзу и Восточной Европе преодолеть экономические затруднения, возникшие перед ними после войны. Для тогдашнего американского руководства, стремившегося к «пробе сил» с СССР, подобные предложения были неприемлемыми. В сентябре 1946 г. Г. Трумэн уволил Г. Уоллеса в отставку. Таким образом, в самом правящем классе страны существовали разногласия, хотя их значение не следует преувеличивать.

Настроения в пользу продолжения сотрудничества с СССР, утвердившиеся среди американской общественности, нельзя было просто сбросить со счета. Они оказывали определенные воздействия на формирование восточноевропейской политики США.

Выявляя цели и стратегию восточноевропейской политики США на этом этапе, необходимо учитывать представления американской правящей элиты о самой Восточной Европе в конце 40-х — начале 50-х годов. Предполагалось, что эффективность восточноевропейской политики США будет зависеть не столько от возможности к сопротивлению самих стран региона, сколько от способности Советского Союза к противоборству с Западом. Восточноевропейский вопрос, подчеркивалось в директиве СНБ-58 (14 сентября 1949 г.), «лишь функция нашей главной проблемы — отношений с СССР».

Рождающаяся социалистическая система рассматривалась Вашингтоном как единое целое, в котором Восточная Европа являлась

¹³ Ibid., p. 268.

¹⁴ Truman H. S. Memoirs. N. Y., 1955, vol. 1, p. 558.

лишь интегральной частью. «Годами Америка рассматривала весь этот район как часть монолитного коммунистического блока», — писал Дж. Кэмпбелл, сотрудник Совета по внешним сношениям (Нью-Йорк)¹⁵. Подобно тому как сам регион в глазах американцев мало чем выделялся среди других составных частей социалистического мира, так и страны, его составляющие, мало чем отличались друг от друга и вся Восточная Европа представляла собой такой же «монолит». Поэтому американский подход к самим восточноевропейским странам был единым. «Мы не должны выделять то или иное государство Восточной Европы в качестве объекта нашего активного внимания», — подчеркивалось в докладе «Внешняя политика США. СССР и Восточная Европа», подготовленном по заказу американского конгресса¹⁶.

За пределами этого «монолита» с июня 1948 г. оказалась Югославия, и это сразу же было использовано Вашингтоном, пытавшимся закрепить возникшую ситуацию, перевести временное ухудшение советско-югославских отношений в необратимый конфликт. Отсюда, собственно говоря, берет истоки другая линия в восточноевропейской политике США — линия на раскол мировой социалистической системы, на подрыв ее изнутри, ориентация на проявления национализма, на исторические предубеждения и т. д. На этом строил свои расчеты Дж. Кеннан. Он откровенно писал об этом в своей «длинной телеграмме» (8 тыс. слов), присланной из Москвы в государственный департамент 26 февраля 1946 г. В директиве СНБ-58 прямо указывалось, что политика США «должна поощрять национализм»¹⁷ в Восточной Европе. Вместе с тем на рубеже 50-х годов «югославский эксперимент» считался в Вашингтоне исключением из правил, на котором вряд ли можно было основывать всю региональную политику.

В этот период непосредственная цель американской восточноевропейской политики состояла в реставрации буржуазных порядков в регионе, в возвращении его в западную систему. Т. Финлеттер, министр ВВС в правительстве Трумэна, претендовавший на роль внешнеполитического идеолога, прямо указывал, что «национальная задача США» состоит в том, чтобы «освободить страны Восточной Европы от коммунизма»¹⁸. Дж. Бэрнхэм, один из идеологов даллесовского «освобождения», анализируя американскую политику на рубеже 50-х годов, отмечал, что «главную стратегическую задачу» США видят в том, чтобы добиться «поражения коммунизма в геополитическом центре Евразии»¹⁹, т. е. в европейской зоне социализма. Под всем этим, отмечал профессор Р. Стеббинс, автор ежегодников внешней политики США, «американцы понимали обычно

¹⁵ *Campbell J.* American Policy towards Communist Eastern Europe. Minneapolis, 1965, p. 1.

¹⁶ *United States Foreign Policy: USSR and Eastern Europe.* Wash., 1960, p. 38.

¹⁷ *Containment*, p. 221.

¹⁸ *Finletter T.* Foreign Policy: The Next Phase. N. Y., 1957, p. 38.

¹⁹ *Burnham J.* Containment or Liberation? N. Y., 1953, p. 128.

прямую замену существующих правительств Восточной Европы совершенно новыми, разумеется, некоммунистическими режимами»²⁰.

Ближайшие и конечные цели восточноевропейской политики Вашингтона не были рассредоточены во времени или в пространстве. Предполагалось, что они будут достигнуты не путем эволюции, медленных изменений, а в результате единовременного акта.

Таким образом, правящие круги крупнейшей мировой державы в условиях начавшейся «холодной войны» пытались навязать мировому сообществу свое представление о внешнеполитической практике. Непосредственная внешнеполитическая цель Вашингтона состояла в том, чтобы изменить социальный строй группы стран, с большинством из которых США поддерживали дипломатические отношения. Американская правящая элита пыталась утвердить в мире право, в соответствии с которым страна, обладающая достаточной силой и мощью, могла навязывать характер социального устройства другим государствам.

Характер поставленной Вашингтоном цели свидетельствовал о крайней жесткости, бескомпромиссности американского подхода к социалистическим государствам. Исследователь этого периода Р. Ровер указывает, что государственный секретарь Дж. Ф. Даллес даже теоретически не допускал «возможности компромисса с коммунистическими странами»²¹.

Если же говорить об американской стратегии, то она «состояла в возрастающем внешнем давлении на советскую систему»²². Внешнее силовое давление на образующуюся европейскую зону социализма должно было, по расчетам Вашингтона, привести к достижению по крайней мере двух результатов, предопределяющих реализацию провозглашенной цели. Во-первых, ведя дело к конфронтации с СССР, угрожая ему ядерным уничтожением, вынудить его отказаться от моральной и материальной поддержки социалистического развития восточноевропейских стран. Поскольку же социализм якобы «навязан» Восточной Европе извне, то «нейтрализация» Советского Союза в регионе активизирует здесь достаточно мощные силы, способные повернуть его развитие вспять, создаст благоприятные возможности для массированного экспорта контрреволюции в Восточную Европу извне. Во-вторых, возрастающее внешнее давление на складывающуюся европейскую зону социализма, постоянная угроза военного вмешательства, интенсивная подрывная деятельность должны стать, подчеркивал Дж. Ф. Даллес, важным инструментом влияния США²³ на внутреннюю обстановку в регионе.

По мнению многих американских экспертов, социалистические страны вынуждены будут под нажимом США все более значительную часть ресурсов выделять для укрепления безопасности, все меньше средств вкладывая в развитие тех сфер народного хозяйства, кото-

²⁰ Stebbins R. The United States in World Affairs, 1956. N. Y., 1957, p. 306.

²¹ Rovere R. The Eisenhower Years. N. Y., 1956, p. 192.

²² The United States and Eastern Europe / Ed. by R. Byrnes. Englewood Cliffs; New York, 1967, p. 156.

²³ Beal J. R. John Foster Dulles, 1889—1959. N. Y., 1959, p. 312.

рые непосредственно влияют на рост благосостояния людей. В переходный для этих стран период, рассчитывали в Вашингтоне, когда внутри еще решается вопрос «кто—кого?», отвлечение значительных ресурсов на непроизводительные расходы должно было оказать неблагоприятное воздействие на становление социализма в Восточной Европе, замедлить темпы социалистических преобразований, породить недовольство и брожение масс.

В Вашингтоне учитывали, что становление нового строя в странах народной демократии проходило в условиях острой внутриполитической борьбы. Основной силой внутри восточноевропейских стран, на которую рассчитывали в этот период опереться правящие круги США в попытках ниспровергнуть народно-демократический строй, являлись остатки прежних господствующих классов, бывшего аппарата подавления, высшей и средней бюрократии. Американской опорой должны были стать те группы и слои, которые не только не приняли саму систему социализма, но и готовы были бороться против нее. Ставка делалась на откровенную контрреволюцию, на ее нелегальную подпольную деятельность, на поляризацию противоборствующих классов в каждой стране, на их прямое вооруженное в конечном счете столкновение. Вашингтон не скрывал, что американские тайные службы связаны с контрреволюционным восточноевропейским подпольем, оказывают ему прямую материальную поддержку, координируя его антисоциалистическую деятельность с общим направлением антикоммунистической стратегии США. Директива № 7 Совета национальной безопасности (30 марта 1948 г.) предлагала соответствующим органам «разработать... согласованную программу всемерной поддержки национального движения сопротивления»²⁴. В этих проектах, как видно, большие надежды возлагались на разжигание национализма.

Тотальный крестовый поход Соединенных Штатов против коммунизма, их курс на свержение народно-демократических правительств восточноевропейских стран встречали полную поддержку правящих кругов Запада (напуганных неожиданным для них сдвигом послевоенного мира влево). Сам Запад под эгидой США являл собой тогда внешне единый блок, в котором противоречия быстро загонялись внутрь. Таким образом, американский истеблишмент считал, что для достижения провозглашенной цели в его распоряжении имеются реальные средства. В это время восточноевропейская стратегия США реализуется через два различных политических курса — «сдерживание» и «освобождение».

«Сдерживание» как концепция было сформулировано по существу весной 1947 г. С 1944 по 1947 г. Соединенным Штатам не удалось предотвратить поворот стран Восточной Европы к социалистической ориентации. 24 февраля 1947 г. английское правительство признало, что оно не может больше противостоять натиску левых сил в Греции, что у него нет ни экономических, ни военных возможностей обеспечить интересы Запада в Турции. В этой ситуации

²⁴ Containment, p. 169.

на авансцену выступили Соединенные Штаты. 12 марта 1947 г. президент Г. Трумэн обратился к конгрессу с требованием предоставить чрезвычайную помощь этим двум странам. Данное решение выходило, однако, за региональные рамки. Фактически Вашингтон заявлял во всеуслышание, что отныне он берет на себя основные функции по «сдерживанию» мирового революционного процесса. 5 июня 1947 г. в Гарвардском университете государственный секретарь Дж. Маршалл произнес речь, в которой «сдерживание» в иной форме распространялось на Западную Европу. В июльском номере «Форин афферс» за тот же год публикуется статья Дж. Кеннана (развивавшая идеи его «длинной телеграммы»). В ней теоретически обосновывалась необходимость для США жесткого силового подхода к отношениям с социалистическим миром, вводилось само понятие политики «сдерживания»²⁵.

Концепция «сдерживания» имела глобальный размах. В ее провозглашении восточноевропейский аспект, несомненно, занимал важное место. Если по отношению к другим районам мира речь шла о том, чтобы «сдержать» возникновение революционного процесса, то в Восточной Европе задача сводилась к тому, чтобы обратить вспять его развитие. Прецедент помощи реакционным силам в Греции и Турции был сигналом антисоциалистическим группировкам в странах народной демократии: они могут рассчитывать на помощь США в деятельности, направленной на подрыв существующего строя.

План Маршалла был прежде всего направлен на то, чтобы закрыть социалистическую альтернативу для стран Западной Европы. Вместе с тем это была одна из первых попыток американских правящих кругов «отколоть» некоторые восточноевропейские страны от Советского Союза. «План Маршалла был предложен Советскому Союзу и восточноевропейским странам не потому, что ожидалось, что они примут его, а в надежде, что советский отказ породит напряженность между Москвой и ее партнерами»²⁶, — указывал известный американский историк Д. Гэддис. «Сдерживание» подавалось американскими политиками как защитная мера на советские действия. На деле же оно преследовало вполне наступательные цели.

Возлагая на Советский Союз вину за объективный сдвиг влево народов ряда стран, исключая возможность мирного сосуществования двух общественно-политических систем и утверждая, что полная безопасность Соединенных Штатов будто бы может быть гарантирована лишь в результате ликвидации социалистических государств, Вашингтон в конечном счете вел дело к непосредственному столкновению с рождающейся системой социализма. «Политика, противостоящая всеми средствами распространению коммунизма в любой точке мира, должна сделать окончательное столкновение неизбежным», — писал по поводу доктрины «сдерживания» Р. Нибур²⁷.

²⁵ «Х». The Sources of Soviet Conduct.— Foreign Affairs, 1947, July, p. 576.

²⁶ Containment, p. 32.

²⁷ Christianity and Crisis, 1951, May, p. 66.

Предполагалось, что на полное осуществление целей «сдерживания» потребуется 10—15 лет. К этому времени, рассчитывали его авторы, социализм как система государств либо перестанет существовать, либо он будет находиться в столь ослабленном состоянии, что вряд ли сможет оказывать влияние на мировое развитие. Когда этот процесс станет очевидным, надеялись некоторые идеологи доктрины, США смогут нанесением «завершающего удара» безболезненно и навсегда покончить с социализмом.

В Восточной Европе американская политика предусматривала последовательное проведение в жизнь принципов «сдерживания». Правящие круги Соединенных Штатов, используя политическое, экономическое, военное, психологическое давление, рассчитывали сдержать, затормозить, предотвратить развитие социалистических тенденций в этих странах, доказать их бесперспективность. «Перманентное давление извне должно было ускорить неизбежный процесс распада социалистических стран», — писал американский исследователь П. У. Уильямс²⁸. Своими акциями по всем направлениям Вашингтон рассчитывал недвусмысленно показать народам и правительствам этих стран, что дальнейшее развитие в сторону социализма, во-первых, «нерентабельно» для них, во-вторых, противоречит интересам самого мощного государства капиталистического мира, грозит в конечном счете непосредственным столкновением с ним со всеми вытекающими для народов этих стран последствиями.

Создавая все больше трудностей на пути социалистических преобразований, Вашингтон стремился не только завязать их цену для народов восточноевропейских стран, но и продемонстрировать народам Восточной Европы, что и для них якобы есть иная, более «выгодная» альтернатива, а именно: союз с Соединенными Штатами и развитие в рамках капиталистической системы. Американская правящая элита полагала, что военная, экономическая, техническая мощь крупнейшей капиталистической державы сделает ориентацию на США привлекательной не только для тех в Восточной Европе, кто был связан с прошлым социальным строем, но и для многих колеблющихся.

В политике «сдерживания» Вашингтон возлагал надежды на вероятность взрыва изнутри. Он еще верил, что внутренняя контрреволюция, связанная со свергнутыми классами, обладает значительными ресурсами и влиянием, чтобы «сдержать» развитие социалистических тенденций в этих странах и без прямого вмешательства извне. Вместе с тем американское правительство предпринимало ряд мер, направленных на установление экономической блокады Восточной Европы, рассчитывая, что для некоторых стран она будет чувствительным ударом (в 1947 г., например, 87% чехословацкого торгового оборота приходилось на Запад). В феврале 1948 г. конгресс принял «Закон о контроле над экспортом», который в области торговли с социалистическими странами устанавливал режим военного времени. Были аннулированы торговые соглашения с Че-

²⁸ Williams W. The Tragedy of American Diplomacy. N. Y., 1959, p. 181.

хословакней, Болгарней, Румынией, Венгрией. В 1950 г. был создан Координационный комитет (КОКОМ), в который вошло 15 крупнейших капиталистических государств. Он должен был установить всеобъемлющий международный контроль над экспортом в социалистические страны. Принятый в 1951 г. «Закон Бэттла» устанавливал параллельный контроль за торговой практикой союзников. В том же году ПНР и ВНР были лишены режима наибольшего благоприятствования в торговле. В результате всех этих мер американский экспорт в социалистические страны за 1948–1953 гг. сократился более чем в 200 раз, импорт — в 5 раз.

В 1949 г. был подписан Северо-Атлантический договор. Создание на границах социалистических стран мощного военного объединения имело целью эпизодическое устрашение превратить в постоянную угрозу. «Без этой военной организации было бы мало надежд на возрождение национальной самостоятельности Восточной Европы», — указывал Д. Ачесон, стоявший у колыбели этого союза²⁹.

Одновременно усилилась тайная подрывная деятельность против восточноевропейских стран. Документ СНБ-68, принятый в 1950 г. Советом национальной безопасности, признал необходимым широкое развертывание «операций тайными средствами в сфере экономической, политической и психологической войны, с тем чтобы вызывать и поддерживать недовольство и брожение в соответствующих странах Восточной Европы»³⁰. В 1949 г. представители крупнейших монополий США «Бэнк оф Америка», «Чейз нэшил бэнк», Форда, Рокфеллера и другие создают Комитет Свободной Европы, объединяющий наиболее реакционные круги США с контрреволюционной восточноевропейской эмиграцией.

В 1951 г. американский конгресс принял закон «О взаимном обеспечении безопасности». В соответствии с поправкой сенатора Керстена из средств, выделяемых для «обеспечения национальной безопасности» США, значительную сумму предполагалось использовать для организации террористических и военных формирований из лиц восточноевропейского происхождения, для финансирования подпольных организаций в этих странах, чтобы в определенной ситуации, как указывал сам Керстен, «осуществить прямую цель свержения нынешних правительств, существующих в этих странах»³¹. В США был создан мощный аппарат психологической войны против социалистических государств. Для координации его усилий было организовано «Национальное управление психологической стратегией» под эгидой государственного департамента.

Политика «сдерживания», несомненно, негативно воздействовала на развитие восточноевропейских государств, и без того переживавших трудный процесс преодоления военной разрухи, становления нового строя. Многим из них приходилось радикально менять

²⁹ Acheson D. Power and Diplomacy. Cambridge (Mass.), 1958, p. 72.

³⁰ Foreign Relations of the United States, 1950. Wash., 1977, vol. 1. National Security and Economic Policy, p. 285.

³¹ Congressional Record, 1951, Aug. 6, p. S9685.

структуру внешнеэкономических связей, что создавало определенные трудности в функционировании народного хозяйства. Противники социализма, чувствуя моральную и материальную поддержку крупнейшей империалистической державы, стремились затормозить переход на сторону новой власти широких масс, запугивая их неизбежностью реставрации.

«Сдерживание», однако, не смогло решить основную свою задачу — остановить утверждение социализма в Восточной Европе. Народный строй к началу 50-х годов стабилизировался во всех странах региона. Более того, на карте Восточной Европы появилось еще одно государство, провозгласившее своей целью строительство социализма, — Германская Демократическая Республика.

Таким образом, атомная дипломатия, военно-политическое давление, экономическая блокада, подрывная деятельность не дали ожидаемых результатов. Оценки тогдашними американскими руководителями истоков сдвига Восточной Европы влево оказались слишком упрощенными, а возможности Соединенных Штатов помешать этому — слишком завышенными.

Наиболее реакционные представители правящих кругов США, однако, по-иному оценивали развитие событий и делали другие выводы. Они доказывали, что причина неудачи курса США в отношении восточноевропейских стран состоит в недостаточной активности американской политики в этом районе, в том, что средства, которые использовались для достижения поставленных целей, были незначительными по сравнению с возможностями США. Они утверждали, что существование социализма в государственной форме в восточноевропейских странах якобы представляет непосредственную угрозу безопасности американской нации. Эта группировка предлагала поэтому не ждать постепенного накопления антисоциалистического потенциала, постепенного вызревания кризисной ситуации в Восточной Европе, а подтолкнуть развитие событий в желаемом направлении извне, перейти к более решительным методам и средствам борьбы. Поскольку «сдерживание» не добилося своих целей, то надо было либо признать реальность развития Восточной Европы в рамках социализма, либо сосредоточить усилия на ликвидации «коммунизма» в этом регионе.

В ходе предвыборной кампании 1952 г. республиканцы обвинили своих соперников демократов в том, что те «продали» Восточную Европу Советскому Союзу, и поклялись освободить ее от коммунизма. Доктрина «освобождения» в наиболее законченном виде была сформулирована Дж. Ф. Даллесом в статье «Политика смелости», опубликованной в мае 1952 г. журналом «Лайф». Выступая 25 августа 1952 г. на национальном съезде Американского легиона, тогдашний кандидат в президенты от республиканской партии Д. Эйзенхауэр объявил одной из целей политики США «освобождение» Латвии, Эстонии, Литвы, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании³². Дж. Ф. Даллес, став государ-

³² Meyer H. The Lost Illusion. N. Y., 1954, p. 389.

ственным секретарем, в первой речи после выборов прямо обратился ко всем антисоциалистическим силам Восточной Европы со словами: «Вы можете рассчитывать на нас»³³.

Идеология «освобождения» отражала настроения наиболее реакционных групп американского господствующего класса, для которых политика балансирования на грани войны, развязывания международных кризисных ситуаций была наиболее доходным бизнесом. В результате их давления на администрацию прямые военные расходы увеличились с 12,3 млрд. долл. в 1949/50 бюджетном году до 51,2 млрд. долл. в 1952/53 бюджетном году. Усиление милитаризации экономики вело к значительному увеличению доходов американских монополий. Прибыли возросли (до вычета налогов) с 25,2 млрд. долл. в 1949 г. до 38,5 млрд. долл. в год в среднем в 1950—1953 гг.³⁴

Несмотря на стремление тогдашних республиканцев противопоставить свой подход к странам региона политике демократов в отношении Восточной Европы, следует отметить, что «освобождение» логически вытекало из «сдерживания», оно было заложено в нем и представляло развитие одной из его сторон, т. е. выход на первый план внешнего фактора — более активного и прямого вмешательства США во внутренние дела социалистических стран.

Неудачи попыток контрреволюционных переворотов в странах народной демократии (заговор Ф. Надя в Венгрии в 1947 г., февральские события 1948 г. в Чехословакии), растущая изоляция правых сил, всех противников социализма все больше вынуждали США рассчитывать не на эти силы, а на самих себя в ликвидации социализма в Восточной Европе. Контрреволюция не сбрасывалась со счета, ей по-прежнему отводилась важная роль, но американская правящая верхушка, видимо, в это время пришла к выводу, что без решительной поддержки извне она уже не сможет повернуть Восточную Европу в сторону капитализма. «Возвращение этих государств в западный лагерь мирным путем является мечтой без воплощения», — писал на рубеже 50-х годов Ф. Колер, тогда американский поверенный в делах США в Москве³⁵. Эта смена акцентов, переориентация с «внутреннего» на «внешний» фактор, изменение в самом внешнем факторе — с главным образом политико-экономического на военное давление, не исключающее, а скорее предполагающее прямое участие американских вооруженных сил или угрозу их использования, — знаменовали, что восточноевропейская политика США перешла рубеж, отделявший «сдерживание» от «освобождения».

Примерная схема «освобождения» представлялась его авторам таковой: Соединенные Штаты и их союзники до предела усиливают давление на восточноевропейские государства по всем линиям,

³³ The Department of States Bulletin, 1953, Febr. 3, p. 210.

³⁴ Монополистический капитал США после второй мировой войны. М., 1958, с. 376.

³⁵ Foreign Relations of the United States, 1949. Wash., 1976, vol. 5. Eastern Europe; Soviet Union, p. 3.

доводя его до грани международного кризиса, содействуя созданию в этих странах атмосферы напряженности, страха, неуверенности; в этой обстановке внутренняя реакция, согласовав свои действия с зарубежной антикоммунистической эмиграцией, фактически находящейся на службе у Вашингтона, должна начать контрреволюционный мятеж; «иностранные легионы» НАТО пересекают границы того или иного восточноевропейского государства, образуя единый антикоммунистический фронт, являясь связующим звеном между внутренней контрреволюцией и Вашингтоном; как только возникнет подобная ситуация, Соединенные Штаты в случае необходимости используют свои вооруженные силы.

Последний пункт, по сути дела, является первым по важности, оп, собственно говоря, — ключевой момент «освобождения», гарантия его осуществления. Без уверенности в прямом американском участии, в том, что США в нужную минуту придут «на помощь», ни одна контрреволюционная группа в Восточной Европе в этот период уже не решилась бы на открытое выступление. И в вышесказанном эшелоне США, видимо, понимали это. Вашингтон через пропагандистские каналы (радиостанция «Свободная Европа», РИАС), используя связи эмиграции с внутренней контрреволюцией, сумел внушить антисоциалистическим силам в ряде стран региона, что США обязательно придут «на помощь», надо только начать, создать удобный повод для американского вмешательства. Близкий в ту пору к Дж. Ф. Даллесу известный публицист С. Сульцбергер писал в 1956 г., незадолго до мятежа в Венгрии, что «Соединенные Штаты готовы, если понадобится, поддержать своими вооруженными силами любую контрреволюцию в Восточной Европе»³⁶.

«Освобождение» доводило жесткость американской политики в отношении социалистических стран до предела. Оно, по сути дела, не оставляло Вашингтону какого-либо гибкого выбора. И его идеологи сознательно шли на это³⁷.

Подобный подход порождал жесткость и военно-политической стратегии США. Американские правящие круги отныне рассматривали ядерное оружие в качестве основного внешнеполитического инструмента воздействия на мир социализма. 12 января 1954 г., выступая в Нью-Йорке перед Советом по внешним сношениям, Дж. Ф. Даллес изложил основные положения доктрины «массированного возмездия». В случае возникновения конфликта между социалистическими странами и США (их союзниками) она автоматически предусматривала практически лишь один ответ — массированный ядерный удар по советским городам. Принимая на себя обязательство сопротивляться социальному обновлению во всех уголках земного шара, Вашингтон угрожал социалистическим странам «массированным возмездием», что прозвучало в речи тог-

³⁶ Sulzberger C. The Big Thaw. N. Y., 1956, p. 229.

³⁷ Burnham J. Op. cit., p. 98.

давшего вице-президента Р. Никсона, произнесенной в Лос-Анжелесе в сентябре 1956 г.³⁸

Между тем реальное развитие ситуации в Восточной Европе, в системе отношений Восток—Запад, в мире в целом выявляло все большую несостоятельность и политики «освобождения», и даллесовского балансирования «на грани войны», и имперских амбиций американской реакции. В восточноевропейских странах, несмотря на трудности периода становления, социализм как форма общественного устройства демонстрировал успехи в экономике, в социальной сфере, его поддерживали трудящиеся массы. Представители свергнутых классов, на которых продолжал ориентироваться Вашингтон, не могли повернуть вспять социальное развитие этих государств. В 1955 г. был подписан Варшавский Договор, отразивший стремление государств европейской зоны социализма сообща защищать безопасность, социальные достижения от угроз, исходящих от НАТО. Обозначились качественные изменения в соотношении сил социализма и империализма на международной арене. Была ликвидирована американская монополия на ядерное оружие и средства его доставки. В 1953 г. Советский Союз провел успешное испытание водородной бомбы. Все это делало небезопасными внешнеполитические авантюры и безответственные политические обязательства (типа «освобождения»), к которым проявляли склонность правые круги США. «Стратегия массированного возмездия, — отмечал американский военный теоретик Дж. Лоу, — начала свой долгий путь к забвению в тот самый день, когда она была провозглашена»³⁹.

Таким образом, между внешнеполитическими целями, которые провозглашал Вашингтон, и реальными возможностями на международной арене образовался значительный разрыв. Соединенные Штаты уже не имели в своем арсенале средств, с помощью которых они могли бы осуществить «освобождение» Восточной Европы, не подвергая себя при этом серьезному риску.

И хотя в соответствии со стратегией «освобождения» американское правительство старалось подтолкнуть развитие событий по своему сценарию (в ГДР в 1953 г., в Польше и особенно в Венгрии в 1956 г.), оно не решилось перейти от первой его фазы ко второй, т. е. выполнить обещание оказать прямую военную помощь контрреволюции, создавшей в этих странах (при активном участии тайных служб США) кризисные ситуации, ставившие под угрозу судьбы социализма. Поэтому, отмечал У. Фулбрайт, несмотря на все «храбрые слова» государственного секретаря Даллеса, социализм в 50-х годах в Восточной Европе не был «отброшен» назад. Политика «освобождения» провалилась потому, указывал У. Фулбрайт, что «она преследовала цель „отбросить“ социализм насильственными средствами. Таким образом, она не учитывала фактора ядерного века». Когда Эйзенхауэр и Даллес столкнулись с ситуа-

³⁸ U. S. News and World Report, 1956, Sept. 14, p. 107.

³⁹ Лоу Дж. Век утрашения. М., 1966, с. 45.

цией, в которой надо было применить силу, чтобы осуществить провозглашенную цель, как, например, во время венгерских событий 1956 г., они вынуждены были признать, замечает У. Фулбрайт, что «нельзя отстаивать политику, результатом которой будет полное уничтожение мира»⁴⁰.

После венгерских событий, по сути дела, впервые была поставлена под сомнение вся широкая система международных обязательств США. «Поскольку американские пропагандисты в период до и во время событий 1956 г. вводили венгров в заблуждение, они повинны в провокации и безответственности... Американскому престижу в мире был нанесен урон», — писал Т. Соренсен⁴¹.

И хотя после венгерских событий 1956 г. верхушка республиканской администрации начала постепенный отход от наиболее провокационных аспектов «освобождения», рецидивы этой политики еще долгое время давали о себе знать. В 1959 г. конгресс принял и президент утвердил резолюцию о «неделе поработанных стран», которая до сих пор отмечается в США. С лозунгами «освобождения» шли на выборы в 1960 г. Р. Никсон, в 1964 г. Б. Голдуотер. Попытка высадить вооруженные банды в заливе Кочинос в 1961 г. была еще одним рецидивом «освобождения», уже при Дж. Кеннеди. В наше время подход администрации Р. Рейгана к событиям в Польше во многом перекликается с идеями даллесовского «освобождения».

И все же к 60-м годам обе антисоциалистические доктрины — и «сдерживание» и «освобождение» — вызвали критику в США ввиду их все большей несостоятельности. «Мы явно зашли в тупик, из которого нас не выведет ни один из политических лозунгов — сдерживание или освобождение», — писал в 1959 г. С. Сульцбергер⁴². Не менее характерны слова американского исследователя У. Уильямса, который на основе изучения ситуации констатировал, что после долгих лет «холодной войны» «Соединенные Штаты оказались лицом к лицу с реальностью, представляющей нечто совершенно противоположное тому миру, каковой, по их твердому убеждению, должен был возникнуть в результате претворения в жизнь американской политики»⁴³.

Итак, правящему классу США не удалось выиграть «холодную войну» против народов Восточной Европы, избравших социалистический путь развития. И это не случайно, а вполне закономерно. Дело не только в ошибках руководителей Вашингтона. Это определено главным образом изменением соотношения сил в мире в пользу социализма, укреплением его позиции и расширением его границ, углублением и возрастанием влияния мирового революционного процесса на развитие событий в послевоенное время. Основной урок «сдерживания» и «освобождения» для Вашингтона состоял в том, что опрокинуть социализм насильственными методами даже в

⁴⁰ Congressional Record, 1965, Jan. 6, p. S229.

⁴¹ Sorensen T. The World War. N. Y., 1968, p. 92.

⁴² Sultzberger C. What's Wrong with U. S. Foreign Policy. N. Y., 1959, p. 239.

⁴³ Williams W. Op. cit., p. 198.

тот период, когда внутри восточноевропейских стран еще решался вопрос «кто-кого?», практически было невозможно.

Тем не менее оценки, концепции, стратегия, тактика, включая политические и методологические ошибки американской политики в Восточной Европе более чем 30-летней давности, были взяты на вооружение нынешней администрацией США. У этой неоконсервативной волны в США есть свои истоки (кризис регулируемого капитализма, увеличение зависимости и уязвимости страны от внешнего мира, изменения в расстановке сил региональных монополистических группировок и т. д.). Но дело, видимо, еще и в том, что американский истеблишмент, напуганный лавиной обрушившихся на него внешних и внутренних проблем, со многими из которых он столкнулся впервые и творческого решения которых найти не смог, пытается укрыться от всего этого в более привычных (и понятных ему) догмах прошлого. Уроки истории если чему и учат, так это тому, чтобы не повторять ошибок прошлого. Однако у истории есть и понятливые и неспособные ученики.